

ПЕРСПЕКТИВЫ ЦЕННОСТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В КУЛЬТУРЕ XXI СТОЛЕТИЯ

Лебедев А.В., Шушкевич Д.В., магистранты

*Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники
г. Минск, Республика Беларусь*

Чуешов В.И. – д-р фил. наук, профессор

В работе виртуальные социальные коммуникации рассматриваются как социотехническая среда, в которой платформы, алгоритмы и экономические модели меняют формы идентичности, доверия и публичности. Показано, что цифровая коммуникация одновременно расширяет возможности человека и усиливает зависимость от инфраструктуры видимости, алгоритмической селекции и datafication. Предложены четыре сценария будущего: гуманистическое расширение возможностей, коммерциализация присутствия, алгоритмический патернализм и фрагментация публичности. Обосновывается необходимость цифровых прав, прозрачности платформ и гуманистического дизайна ИИ.

Виртуальные социальные коммуникации уже не являются внешним дополнением к реальности. Они выступают как особая социотехническая среда, где коммуникация организуется через платформы, алгоритмы, правила модерации и экономические механизмы монетизации внимания [1, 2]. Исследование будущего человека в цифровой среде требует учёта технического, социального и гуманитарного измерений. Речь идёт не только о передаче сообщений, но и о производстве видимости, доверия, репутации и поведенческих данных. В этом смысле виртуальная коммуникация становится пространством формирования новых режимов субъективности и способов социального контроля.

В сетевой среде меняется статус субъекта коммуникации. Человек остаётся носителем смыслов и переживаний, но при этом превращается в источник данных и объект поведенческого моделирования. Если в классической социальной теории самопрезентация связывалась с управлением впечатлениями в непосредственном взаимодействии, то цифровая эпоха переводит её в режим постоянного конструирования профиля [3]. Профиль включает тексты, изображения, реакции и цифровые следы, которые сохраняются, агрегируются и переиспользуются. В результате идентичность всё меньше зависит от внутреннего самопонимания и всё сильнее определяется инфраструктурой видимости: реальным становится то, что чаще показывается, лучше ранжируется и активнее комментируется.

Такое положение порождает напряжение между аутентичностью и эффективностью. С одной стороны, цифровая среда открывает возможности для самовыражения, поиска единомышленников и профессионального роста. С другой стороны, она стимулирует адаптацию личности к ожиданиям аудитории и алгоритмов. Чем сильнее жизненные шансы зависят от платформенной видимости, тем больше возрастает соблазн создавать оптимизированный образ себя. Это усиливает фрагментацию идентичности, эмоциональную зависимость от метрик одобрения и риск хронической самонаблюдаемости. Вывод Ш. Теркл о ситуации «вместе, но поодиночке» сохраняет актуальность и в эпоху коротких видеоформатов, стриминга и генеративных медиа [4].

Существенно меняется структура публичности. Алгоритмическая селекция не просто помогает ориентироваться в информационном потоке, а задаёт саму архитектуру общественного внимания. В классическом понимании публичность предполагала спор, аргументацию и рациональную проверку позиций. В платформенной среде приоритет получает контент, обеспечивающий вовлечённость, клики и время удержания внимания [5]. Усиливаются фрагментация общих дискуссионных пространств, эмоционализация повестки и зависимость значимости сообщения от его вирусного потенциала. Эффект «пузыря фильтров» закрепляет замкнутые информационные миры, в которых пользователи чаще сталкиваются с подтверждением своих взглядов [6].

Отдельного внимания заслуживает трансформация телесности и присутствия. Виртуальная коммуникация часто описывается как бестелесная, однако в действительности телесность технически перекодирована. Смартфон становится продолжением сенсорного тела, фитнес-трекеры превращают тело в поток измерений, а технологии XR создают эффект совместного присутствия в искусственно организованном пространстве. Человек физически находится «здесь», но вниманием, эмоциями и социальной включённостью может быть постоянно «там» — в чате, ленте, игре или видеоконференции. Такое распределённое присутствие меняет режим повседневности, усиливает когнитивную нагрузку и создаёт форму включённости, при которой цифровое и офлайн-измерения трудно жёстко разделить.

Человек всё заметнее выступает как «человек сетевой». Принадлежность к общности чаще определяется не территорией и устойчивыми институтами, а включённостью в коммуникационные потоки, цифровые ритуалы и экосистемы [1]. Такие общности способны быстро мобилизовать людей для взаимопомощи или гражданских кампаний, но нередко оказываются краткосрочными и подверженными поляризации. Возникает принципиальный вопрос: смогут ли виртуальные коммуникации поддерживать долгосрочные формы солидарности, или они закрепят модель общества, где преобладают краткие всплески внимания без накопления устойчивого доверия.

Особую угрозу для будущего человека представляет трансформация эпистемической среды. Низкая стоимость публикации, скорость репоста и микротаргетинг делают платформы благоприятной средой для дезинформации и постправды. Истинность всё чаще уступает место узнаваемости, эмоциональному эффекту и групповому подтверждению. Научный способ легитимации знания сталкивается с популярностным режимом, в котором мерой правдоподобия становится охват. Поэтому защита научной рациональности в цифровой публичности оказывается не частной задачей академического сообщества, а условием устойчивости всей коммуникационной среды.

Для методологии науки цифровая коммуникация важна ещё и потому, что она меняет сам объект исследования. Социальные связи становятся наблюдаемыми через цифровые следы, графы взаимодействий и массивы контента, однако возрастают непрозрачность данных, зависимость от закрытых платформ и риск неверной операционализации. Исследователь имеет дело с обществом, предварительно отфильтрованным интерфейсами и коммерческими приоритетами платформ. Отсюда следуют три требования: нельзя отождествлять цифровую активность с полнотой социальной жизни; необходимо учитывать инфраструктурные искажения при сравнении данных; этика исследования должна рассматривать приватность как условие сохранения человеческой автономии.

Изменение публичности связано с перераспределением власти. В цифровых коммуникациях власть действует не как прямой запрет, а как управление условиями выбора: что становится видимым, в каком порядке показывается и какие модели поведения выгодны [2]. Это ключевая особенность «капитализма наблюдения», где поведение превращается в данные, а данные — в ресурс прогнозирования. Цифровые следы дают новые эмпирические возможности, однако метрики не совпадают со смыслами: лайк не равен согласию, просмотр не равен пониманию, а подписка не равна доверию. Следовательно, работа с большими данными требует философской рефлексии о том, как они производятся инфраструктурой платформ.

Будущее человека в этой системе целесообразно описывать в сценарной логике. Первый сценарий можно назвать гуманистическим: цифровые платформы, системы XR и ИИ-медиаторы усиливают образование, творчество и международное сотрудничество. В таком варианте человек сохраняет контроль над своими данными и использует ИИ как инструмент расширения возможностей [7, 8]. Второй сценарий связан с коммерциализацией присутствия: базовые формы общения и участия становятся объектом монетизации. Третий сценарий — алгоритмический патернализм, при котором интеллектуальные помощники чаще подсказывают, что читать и как действовать, а автономия субъекта сужается архитектурой рекомендаций. Четвёртый сценарий выражается в фрагментации публичности и распространении постправды.

Гуманистическая траектория возможна только при наличии нормативных ограничителей. К ним относятся прозрачность платформ, защита приватности, право пользователя знать, как принимаются решения, и предотвращение дискриминационных эффектов алгоритмов [9]. Не менее важно развивать культуру критического мышления и научной рациональности. Будущее человека в системе виртуальных социальных коммуникаций определяется тем, удастся ли сохранить достоинство, автономию и способность к содержательному диалогу в среде, которая всё активнее стремится измерять, предсказывать и направлять человеческое поведение.

Список использованных источников:

1. Castells, M. *The Rise of the Network Society* / M. Castells. – Oxford : Wiley-Blackwell, 2010. – 597 p.
2. Zuboff, S. *The Age of Surveillance Capitalism* / S. Zuboff. – New York : PublicAffairs, 2019. 704 p.
3. Goffman, E. *The Presentation of Self in Everyday Life* / E. Goffman. – New York : Anchor Books, 1959. – 259 p.
4. Turkle, S. *Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other* 62-я Научная конференция аспирантов, магистрантов и студентов БГУИР, Минск, 2026 / S. Turkle. – New York : Basic Books, 2011. – 360 p.
5. Habermas, J. *The Theory of Communicative Action. Vol. 1* / J. Habermas. – Boston : Beacon Press, 1984. – 465 p.
6. Pariser, E. *The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You* / E. Pariser. – New York : Penguin Press, 2011. – 294 p.
7. Ball, M. *The Metaverse: And How It Will Revolutionize Everything* / M. Ball. – New York : Liveright, 2022. – 352 p.
8. Kissinger, H. A. *The Age of AI: And Our Human Future* / H. A. Kissinger, E. Schmidt, D. Huttenlocher. – New York : Little, Brown and Company, 2021. – 272 p.
9. UNESCO. *Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence* [Electronic resource]. Paris, 2021. – Mode of access: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137>. – Date of access: 31.03.2026